

На правах рукописи

Кондратьева Екатерина Валерьевна

**ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВЫЕ ТРАДИЦИИ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧУВАШЕЙ И УДМУРТОВ**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Саранск 2020

Работа выполнена на кафедре истории России федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

Научный руководитель: доктор исторических наук доцент
Мокшина Елена Николаевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук профессор
Шутова Надежда Ивановна,
ведущий научный сотрудник отдела
исторических исследований ФГБУН
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН (г. Ижевск)

доктор исторических наук профессор
Таймасов Леонид Александрович,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
и иностранных языков
Чебоксарского кооперативного института (филиала)
АНООВО Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»
(г. Чебоксары)

Ведущая организация: **Институт этнологических исследований
им. Р. Г. Кузеева** – обособленное структурное
подразделение ФГБУ Уфимского федерального
исследовательского центра РАН (г. Уфа)

Защита состоится *13 ноября 2020 года* в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 999.033.04 на базе ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», МГПУ, НИИГН и ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова» по адресу: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68 (корп. № 1), зал заседаний диссертационных советов (ауд. 706).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени М. М. Бахтина ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» по адресу: Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68 и на сайте университета https://www.mrsu.ru/ru/diss/diss.php?ELEMENT_ID=74557.

Автореферат разослан « ____ » сентября 2020 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук профессор

Э. Д. Богатырев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Диссертационное исследование посвящено изучению традиционных праздников и обрядов в общественной жизни чувашей и удмуртов. Его актуальность обусловлена следующими факторами. Во-первых, отсутствуют монографические исследования по заявленной теме. Во-вторых, диссертация предусматривает историко-типологическое и сравнительно-историческое изучение праздников и обрядов двух народов. Хотя чувашаи и удмурты не входят в родственную языковую и этническую группу, у них много общего в силу многовекового взаимопроникновения этнокультурных традиций еще со времен Волжско-Камской Булгарии, что позволяет провести этнографические параллели. К тому же эти два народа издавна проживают в похожих условиях природно-климатической среды, ведя однотипное крестьянское хозяйство, придерживаются сходных религиозных систем (традиционные верования и обряды, православие), что также способствовало выработке аналогий в празднично-обрядовых традициях. В-третьих, исследование способствует выявлению универсальных механизмов в праздниках и обрядах двух народов. В-четвертых, появляется возможность выработать более широкую картину празднично-обрядовой жизни традиционной средне-волжско-камской деревни. В-пятых, исследуются социальные общности – субъекты обрядовой деятельности. Соискатель рассматривает праздники и обряды, совершаемые на разных уровнях социальной организации: от семьи до сельской общины (в постобщинный период – сельского сообщества) и этнокультурных групп (двух народов) в целом. В-шестых, изучение традиционных праздников и обрядов в контексте общественных процессов позволяет проследить их динамику.

Объектом исследования является чувашское и удмуртское сельское население как основной хранитель празднично-обрядовых традиций.

Предмет исследования – структура и содержание празднично-обрядовых традиций чувашей и удмуртов, их функции, а также значимость этих функций в общественной жизни.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX – начала XX века. В это время в чувашской и удмуртской обрядности ещё устойчиво бытовали общинные устои, сохранялся патриархальный уклад жизни. Однако в отдельных местах диссертационной работы в целях реконструкции чувашской и удмуртской традиционных культур хронология была расширена от второй половины XVIII в. до начала XXI века.

Территориальные рамки. Нами исследуются регионы компактного проживания чувашей и удмуртов (в основном это – Чувашская и Удмуртская Республики, а также Республики Татарстан и Башкортостан, Ульяновская и Самарская области).

Степень научной разработанности проблемы. На основании перечня изучаемых аспектов анализируемой темы, характеристики источниковой базы, методологии и методов исследований историографию заявленной проблемы можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

Дореволюционный период характеризуется трудами, которые одновременно сочетали как исследовательский, так и практический аспекты, они базировались на непосредственных наблюдениях и носили главным образом описательный и фрагментарный характер. Академические экспедиции, работавшие в XVIII в. на пространствах Российской империи, подняли широкий пласт этнокультурной информации, осмысление которой было начато великими путешественниками, учеными. Исследовательский импульс, воплотившийся в трудах Ф. И. Страленберга, В. Н. Татищева, И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлёцера, И. Г. Георги, П. С. Палласа, И. И. Лепехина, Н. П. Рычкова, И. П. Фалька и других, был распространен на народы Волго-Уралья, делая их субъектами просветительской ойкумены. В поле зрения исследователей этого времени попали социокультурные аспекты общинной жизни чувашей и удмуртов, а именно – лингвистические и религиозные сюжеты, вопросы расселения народов, межэтнических связей и контактов. В трудах К. С. Мильковича, В. К. Магнитского, Дюла Месароша, В. А. Сбоева, Б. Г. Гаврилова, Г. Е. Верещагина, П. М. Богаевского, Н. Г. Первухина, И. Н. Смирнова, И. С. Васильева, Н. В. Никольского, чьи работы в наиболее полном виде выработали схему (рецептуру) группировки и текстуализации этнокультурного материала изучаемых народов¹. Помимо описания обрядов и обычаев чувашей и удмуртов различных районов их проживания собран оригинальный фольклорный и лингвистический материал, представленный в молитвах, обрядовых текстах, песнях, сказках, загадках, пословицах и поговорках.

Советский период связан со временем кардинальных перемен. Целенаправленная политика атеизации общества, распространенная в годы Советской

¹ См.: [*Милькович К. С.*] О чувашах: Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия. Казань, 1888; *Магнитский В. К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881; *Месарош Дюла.* Памятники старой чувашской веры: перевод с венгер. Чебоксары, 2000; *Сбоев В. А.* Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношении. М., 1865; *Гаврилов Б. Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урясь-Учинского прихода // Труды IV археологического съезда в России. Т. II. Казань, 1891. С. 80–156; *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб, 1889; *Богаевский П. М.* Очерк быта сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии при Дашковском этнографическом музее. 1888. Вып. III. С. 14–64; *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз II: Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Вятка, 1888; *Смирнов И. Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк // ИОАИЭ. Т. VIII. Казань, 1890. Вып. 2. С. 3–308; *Васильев И. С.* Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // ИОАИЭ. Казань, 1906. Т. XXII, вып. 3. С. 185–219; вып. 4. С. 253–276; вып. 5. С. 321–349 и др.

власти, не способствовала фундаментальной разработке историко-религиоведческой тематики как особой отрасли знаний. Долгое время историки и этнографы были лишены возможности подлинно отразить сложившуюся ситуацию в религиозной жизни страны. Этот период характеризуется повышенным интересом исследователей к аналитическому изучению различных аспектов сельской общины². Положение начинает меняться лишь со второй половины 60-х гг. XX в. В это время исследованием чувашской и удмуртской сельской общины занимались И. Д. Кузнецов, М. М. Мартынова, В. Д. Димитриев и др.³ Изучению смысловой нагрузки традиционных праздников и обрядов, а также религиозного синкретизма посвятили свои работы Т. С. Пассек, К. В. Элле, М. Я. Сироткин, Г. Е. Кудряшов, П. В. Денисов, Л. А. Таймасов и др.⁴ Этим ученым удалось многое сделать в осмыслении изучаемой нами проблематики.

В постсоветский период появляется ряд монографий и диссертационных работ, в которых приведены результаты как комплексного изучения⁵, так и различных аспектов сохранения общинных традиций в обрядовой жизни народов⁶.

² См.: *Кильдебекоев П. В.* История классовой борьбы в Удмуртии. Ижевск, 1933; *Мартынов М. И.* Разложение родового строя на территории Верхнего Поволжья // Известия АН СССР, 1938. С. 161–180.

³ См.: *Кузнецов И. Д.* Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, Ч. 1. 1957, Ч. 2. 1969; *Мартынова М. М.* Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – XX вв. Ижевск, 1981. С. 3–44; *Димитриев В. Д.* К вопросу о сложных общинах в Чувашии // Вопросы экономики и истории ЧАССР. Чебоксары, вып. XXIII. 1963. С. 196–228.

⁴ См.: *Пассек Т. С.* Круг чувашских праздников // Сборник АН СССР, посвященный академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 527–541; *Элле К. В.* *Акатуй*. Чебоксары, 1935; *Сироткин М. Я.* Чувашский фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965; *Кудряшов Г. Е.* Динамика полисинкретической религиозности: Опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары, 1974; *Денисов П. В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959; *Таймасов Л. А.* Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. Чебоксары, 2004.

⁵ См.: *Денисова Н. П.* Общинные традиции в хозяйственно-бытовой жизни чувашского крестьянства (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Чебоксары, 1984. С. 3–38; *Мокшин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998; *Его же.* Сельская община – регулятор религиозной жизни мордвы // Православная община в XXI веке: Саранский священник Алексей Масловский и его духовное наследие. Саранск, 2002. С. 21–26; *Мокшина Е. Н.* Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. Чебоксары, 2004.

⁶ См.: *Никитина Г. А.* Сельская община *бускель* в пореформенный период (1861 – 1900 гг.). Ижевск, 1990; *Ее же.* Удмуртская сельская община в советский период (1917 – начало 1930-х гг.). Ижевск, 1998; *Гришкина М. В.* Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977; *Петров Н. А.* Община и обычное право чувашского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Чебоксары, 2000; *Николаев Г. А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX – XX вв.: этюды по истории и этнологии. Чебоксары, 2016.

Среди современных авторов историко-этнографических исследований, близких к нашей теме, особое место занимают фундаментальные труды Н. И. Шутовой, Р. Р. Садикова, Е. А. Ягафовой, Г. Р. Столяровой, А. В. Черных, Т. Г. Владыкиной, Т. Г. Миннихметовой, Г. А. Глуховой, А. К. Салмина⁷ и др. Названные ученые обращали основное внимание на рассмотрение обрядовых действий и вербальных текстов, указывали на роль традиции в урегулировании общесельского этикета, зависимость традиционной празднично-обрядовой культуры чувашей и удмуртов от земледельческого цикла, интенсивных социальных контактов внутри общины.

Таким образом, исследование обрядности двух рассматриваемых нами народов достаточно полно отражено в научной литературе. Вопрос же о роли народных обрядов в повседневной жизни общины и общества в целом нуждался в изучении.

Цель работы – комплексное изучение роли традиционных праздников и обрядов в общественной жизни чувашей и удмуртов.

Исходя из поставленной цели, решались следующие **задачи**:

– выявить роль всенародных (= общеэтнических) празднично-обрядовых традиций (масленица, праздник в честь сева, хоровод, полевое моление) в общественной жизни чувашей и удмуртов;

– проследить роль межсельских празднично-обрядовых традиций (межсельские посиделки, девичье пиво, кража земли) в общественной жизни чувашей и удмуртов;

– проанализировать роль общесельских празднично-обрядовых традиций (инициирование дождя, праздник земли, обряд изгнания духов, выгон скота, помочь) в общественной жизни чувашей и удмуртов;

⁷ См.: *Шутова Н. И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001; *Ее же.* Весенний праздник *Акашка/Будзым* нунал южных удмуртов в конце XIX – начале XX вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3. С. 107–111; *Садиков Р. Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008; *Ягафова Е. А.* Этническая история и культура народов Урало-Поволжья (мордва, марийцы, удмурты, чувашаи, татары, башкиры). Самара, 2009; *Ее же.* Религиозные практики этноконфессиональных групп чувашей // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 3–18; *Столярова Г. Р.* История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 96–115; *Галлямова А. Г., Столярова Г. Р.* Язычники в советском и постсоветском времени (на примере чувашей с. Старое Суркино Республики Татарстан) // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 51–62; *Черных А. В.* Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX века. По материалам южных районов Пермской области. Пермь, 2002; *Миннихметова Т. Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000; *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* *Ар-год-берган*: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011; *Салмин А. К.* Этнология религии и народный обряд // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 107–110; *Егорова О. В.* Этнография детства чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – первой трети XX вв.: традиционная родильная обрядность и социализация ребенка: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. Чебоксары, 2010.

– определить роль семейно-родовых праздников и обрядов (Великий день, семик, осенний праздник, праздник нового урожая) в общественной жизни чувашей и удмуртов.

Изучение, как и научно-практическая реконструкция жизнеобеспечивающих традиций, является, на наш взгляд, одной из основных задач в поддержании целостности структуры этнического сообщества, исконных корней его культуры. При этом автор, безусловно, в силу невозможности осуществления не ставит задачу выявления всех сохранившихся и несохранившихся элементов празднично-обрядовых традиций чувашей и удмуртов.

Источниковая база исследования. Диссертационная работа написана на базе широкого круга источников, потребовавших разных исследовательских подходов.

Первую и самую важную группу из них составляют полевые материалы автора. Они были собраны в 2014–2016 гг. в экспедициях в Удмуртскую Республику (д. Бурино Балезинского района, д. Штангурт Глазовского района, д. Малое Доронино Юкаменского района, д. Удмуртский Лем, д. Заречная Медла Дебесского района, д. Непременная Лудзя Завьяловского района, д. Карамас-Пельга Киясовского района, д. Баграш-Бигра, д. Капустино Малопургинского района, д. Кочегурт Селтинского района, д. Яр Ярского района), Чувашскую Республику (д. Амалыково, д. Иваново, д. Латышево, д. Тенеево, с. Турмыши, с. Алдиарово Янтиковского района) и Ульяновскую область (д. Средние Алгаши Цильнинского района). Экспедиционные исследования позволили собрать богатый материал, раскрывающий, поясняющий, иллюстрирующий ряд сторон обрядовой жизни чувашей и удмуртов, а также провести необходимые сравнения. Они особенно интересны для исследования, ибо сохранили непрерывные традиции.

Вторая группа источников – архивные материалы (рукописи, фотографии и рисунки). Основная часть использованных нами архивных материалов сосредоточена в делах Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН): отдел I – «Общий», в котором хранятся фонды Н. И. Ашмарина, Г. И. Комиссарова, К. В. Элле, И. Н. Юркина, Н. В. Никольского, отдел VIII – «Фотографический и картографический материалы». Изученные документы НА ЧГИГН содержат исторические, этнографические и фольклорные материалы исследователей. В делах архива Удмуртского института истории языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (рукописный фонд, оп. 2-Н) сосредоточен значительный пласт уникальных источников, содержащих информацию о разных аспектах общинных отношений изучаемых народов. Важная информация о проведении празднично-обрядовых действий и религиозных представлениях чувашей и удмуртов содержится в документах Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук (ф. 4, 95, 250),

Российского государственного исторического архива (ф. 18, 334, 515, 796, 1021), Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук (фонды Отдела Европы), Российской национальной библиотеки (РНБ. Q. IV), Российского этнографического музея (Фототека, ф. 18), краеведческого музея с. Янтиково Янтиковского района Чувашской Республики. Эти источники позволили проанализировать особенности бытования обрядовых комплексов в общинной и постобщинной жизни чувашей и удмуртов от последней четверти XVIII до первой половины XX века.

Значительный материал по описанию праздничной и обрядовой культуры чувашей и удмуртов опубликован в периодических изданиях дореволюционного периода: «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете», «Вестник Европы», «Этнографическое обозрение», «Вятские епархиальные ведомости», «Известия по Казанской епархии», «Симбирские епархиальные ведомости и др. Использовалась нами также периодика советского времени: газеты «Красная Чувашия», «Советская культура», «Чăваш коммуни», «Трудовая газета», «Удмуртская правда», «Ижевская правда» и др. Информация, полученная из вышеупомянутых материалов, содержит описания отдельных празднично-обрядовых традиций чувашей и удмуртов, позволившие нам провести реконструкцию утерянных звеньев.

Известно, что с конца XX в. и до настоящего времени у многих народов России наблюдается процесс возрождения традиционных праздников и обрядов. Наиболее полно этот процесс нашел отражение в современной региональной периодической печати. В этой связи нами использовались материалы следующих изданий: газеты «Республика», «Вести Чувашии», «Канаш», «Сувар», «Хыпар», «Самар ен», «Тăван ен», «Советская Чувашия», «Тăван» (чув.); Дебёсского района «Новый путь», Ярского района «Сельская правда», г. Можги и Можгинского района «Можгинские вести», Сюмсинского района «Знамя», Алнашского района «Алнашский колхозник», Балезинского района «Вперёд», Юкаменского района «Знамя октября», Вавожского района «Авангард», Завьяловского района «Пригородные вести» (удм.) и др. Благодаря данным материалам были получены сведения о восстановлении общественных молений-жертвоприношений, о реконструкции традиционных обрядовых мест.

К опубликованным источникам, использованным в работе, относятся словари, справочники, энциклопедии, сборники сочинений, мемуары и публикации этнографических материалов, том числе зарубежных авторов⁸. В них содержится

⁸ См.: *Paasonen Heikki*, von. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen. Helsinki, 1949; *Buch Max*. Die Wotjäken, eine ethnologische Studie. Helsingfors, 1882; *Munkácsi Bernát*. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887.

объемный пласт ценной информации для осмысления феномена многих аспектов обрядовых действий, расшифровки их символического значения.

Полевые, архивные и опубликованные источники дают достоверную взаимодополняющую информацию, что позволяет всесторонне раскрыть тему, провести необходимую реконструкцию и анализ для решения поставленной цели и задач исследования, реализуя принципы репрезентативности и комплексности.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что это первое целевое комплексное историко-типологическое и сравнительно-историческое исследование традиционных праздников и обрядов в общественной жизни чувашей и удмуртов. В нем предпринята попытка реконструировать основные структурные элементы праздников и обрядов этих народов. Определены степень их сохранения и формы бытования. Показано, насколько полно они включены в сознание и соционормативную культуру чувашей и удмуртов. Выявлены институты, содействующие сохранению и развитию празднично-обрядовых традиций этносов. Анализируется значительный объем нового материала, собранного автором в архивах и в ходе полевых экспедиционных исследований в 2014–2016 гг. в Удмуртской и Чувашской Республиках, Ульяновской области.

Методология и методы исследования. В проведении диссертационного исследования автор придерживается принципов историзма, объективности и системности. Так, принцип историзма помогает анализировать исторические явления как процесс и устанавливать связи между событиями во времени, избегать внесения современных представлений в анализируемую историческую эпоху. В установлении и осмыслении фактов широко применялся принцип объективности. А принцип системности использовался в реконструкции объектов (систем) как совокупности взаимосвязанных элементов (компонентов). Базовыми для диссертационной работы, позволившими достигнуть цели исследования, стали методы историко-типологического и сравнительно-исторического анализа⁹. Такой исследовательский подход дал возможность изучить конкретные сообщества, выявляя их сходства и различия, а также прийти к теоретическим обобщениям.

Теоретико-методологической базой исследования, его понятийного аппарата явились в основном труды отечественных ученых-этнологов и религиоведов, в ряду которых, прежде всего, отметим труды С. А. Токарева, М. М. Громыко, К. В. Чистова, Т. А. Бернштам, Н. Ф. Мокшина, А. К. Байбурина, Л. В. Милова, Г. А. Корнишиной, В. Е. Владыкина, И. Д. Кузнецова, Г. А. Никитиной, Н. И. Шутовой, Л. А. Таймасова, Е. А. Ягафовой, Р. Р. Садикова, А. К. Салмина, Е. Н. Мокшиной и др. В их работах содержатся ценные идеи и наблюдения отно-

⁹ См.: *Чубарьян А. О.*, отв. ред. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М., 2014. С. 468–470.

сительно сущности, места и роли празднично-обрядовых традиций в этносоциуме, их значимости в регуляции жизнедеятельности народов.

В экспедиционной работе были использованы следующие методы полевой этнографии: опрос, свободное интервью, включенное наблюдение. Главная цель состояла в том, чтобы видеть информантов в повседневных ситуациях, наблюдать за ними в привычной для них обстановке. Достоверность материалов, полученных в ходе полевых исследований, обеспечивалась повторяемостью, массовым характером, взаимодополняемостью и взаимопроверяемостью полевых материалов другими видами источников.

Теоретическая значимость диссертации состоит в выявлении качественно новых закономерностей устойчивости традиционной празднично-обрядовой культуры чувашского и удмуртского народов на сельском и семейно-родовом уровнях в условиях общественной жизни. Исследование на конкретном материале подтверждает точку зрения К. В. Чистова, определявшего традицию как сеть (систему) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем вновь воспроизводятся, ибо каждый этнограф и фольклорист имеет дело с вариантами¹⁰.

Важным теоретическим аспектом исследования по традиционным праздникам и обрядам является их классификация. В этнографии имеется множество точек зрения относительно критериев последней. Так, А. Н. Веселовский считал необходимым выработать методологию классификации фольклорно-этнографического материала исходя из самих текстов¹¹. Е. Г. Кагаров предлагал группировать обряды, исходя из их целевой установки, психологических и логических принципов, времени выполнения и т. д.¹² Исследуя ранние формы религий, С. А. Токарев обозначил ряд признаков, на которые представляется возможным опираться: «Классификация должна подходить к религии как к явлению общественной жизни человека»¹³. Г. А. Корнишина, рассматривая в своих работах традиционную обрядность мордвы, использовала классификацию, предполагавшую деление на две большие группы: обряды жизненного цикла и обряды, связанные с хозяйственной деятельностью народа. Кроме того, календарные обряды нередко разделяют и по временам года¹⁴. У всех перечисленных классификаций имеются как положитель-

¹⁰ См.: *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1986; *Его же.* Традиция и вариативность // Советская этнография. 1983. № 2. С. 14–22.

¹¹ См.: *Веселовский А. Н.* Собрание сочинений. Т. 16. М.; Л., 1938.

¹² См.: *Кагаров Е. Г.* К вопросу о классификации народных обрядов // Доклады АН СССР. 1928. № 11. С. 247–254.

¹³ См.: *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1990. С. 39.

¹⁴ См.: *Корнишина Г. А.* Традиционные календарные праздники в жизни мордовского сельского населения // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-

ные стороны, так и недостатки. Изучение фактического материала показывает, что между отдельными видами обрядов нет четких границ. Многие обряды жизненного цикла включают в себя элементы, направленные на обеспечение удачи в сельскохозяйственных делах. В данной работе автор в основном придерживался классификации по признаку «участники», предложенной А. К. Салминым¹⁵, что позволяет, на наш взгляд, глубже раскрыть социальную сторону жизни крестьянина на уровне межсельских, общесельских, семейно-родовых взаимоотношений и форм поведения.

Специальность, которой соответствует диссертация.

Диссертация соответствует пунктам Паспорта специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология: 2. Классическая дескриптивная этнография; 4. Этнологическое регионоведение; 6. Этнокультуроведение (в том числе этнофольклористика, этнофилология, этномузееведение); 11. Прикладная этнология.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертационной работы:

1. Духовная сфера в виде традиционных праздников и обрядов, а также других форм нравственности и социальных норм (этикет, сознание целостности семьи, рода и деревни; трудолюбие). Историко-типологическое и сравнительно-историческое изучение праздников и обрядов чувашей и удмуртов позволило реконструировать утерянные цепи единой системы духовности, обнаружив как общие, так и специфические черты двух народов, что указывает на их историческую и культурную общность, с одной стороны, на их особенности – с другой.

2. Община, будучи неформальной ячейкой организации сельских жителей, имела влияние как социальный и хозяйственный институт, а также как общность по празднично-обрядовому признаку. Добротные вековые устои общины цементировали духовную жизнь семьи, рода, деревни, этноса в целом. Чувство солидарности и единства помогало ощущать людям столь необходимую им эмоциональную и психологическую защиту. Община не имела в полной мере юридических прав, но власти считались с нормами обычного права.

3. В проведении всенародных праздников особенно важную роль играла община, являясь и организатором, и руководящим коллективом, контролировавшим все стороны обрядовой жизни. Данные празднично-обрядовые традиции отличались масштабностью и массовостью участников. В них были задействованы

Ола, 1990. С. 326–330; *Денисова Н. П.* Зимние и весенние календарные праздники чувашских крестьян (XIX – начало XX вв.) // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984. С. 142–163; *Ее же.* Летне-осенние календарные праздники и обряды чувашей (XIX – начало XX вв.) // Чувашское народное творчество. Чебоксары, 1985. С. 67–86.

¹⁵ См.: *Салмин А. К.* Система религии чувашей. СПб, 2007. С. 69–70.

все члены сельской общины, хотя отдельные половозрастные группы вовлекались в их акциональную структуру в разной степени.

4. Межсельские праздники и обряды играли важную роль в унификации стандартов поведения и правил коммуникаций, а также в проявлении взаимозависимости сельских общин и связи между родственными деревнями.

5. Общесельские празднично-обрядовые традиции демонстрируют участие в них практически всей деревни (села). Как правило, старики выступали в качестве молельщиков, предводителей, а обрядовая роль молодежи как переходной возрастной категории была более скромной. Общение молодежи со взрослыми, соблюдение определенных нравов и требований народной цензуры при проведении обрядов и праздников являлись каналом межпоколенной передачи народных традиций.

6. Семья и род – фундаментальные компоненты общества, игравшие и играющие поныне важнейшую роль в сохранении и воспроизводстве традиционной культуры чувашей и удмуртов. Сельская община состояла не из отдельных индивидуумов, а из семей, выступавших в качестве ее структурных элементов. В круг участников семейно-родовых праздников и обрядов входили лишь члены семейно-родственных групп. Не противореча современной обрядности, взаимодействуя с сегодняшней культурой, семейно-родовые праздники и обряды хотя и во многом утратили свою сакральную составляющую, трансформируясь в сторону усиления развлекательных моментов, продолжают традиции, не теряя при этом смысловую нагрузку, о чем свидетельствуют материалы проведенного исследования.

Практическая значимость диссертации. Основные положения и результаты диссертационного исследования, расширяющие представления о духовной культуре чувашского и удмуртского народов, могут широко использоваться в подготовке курсов и спецкурсов при изучении дисциплин этнологического и исторического цикла, а также при создании учебных и методических пособий для вузов Волго-Камского региона, разработке системы практических рекомендаций для образовательных и культурно-просветительских организаций.

Апробация исследования. Основные положения и результаты настоящей диссертации изложены в докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях. По теме исследования опубликовано 10 статей общим объемом 5 п. л., из которых 6 – в рецензируемых научных журналах, входящих в список рекомендованных изданий ВАК Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, перечня условных сокращений, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, определены его объект и предмет, территориальные и хронологические рамки, показана степень научной разработанности проблемы, сформулированы цель и задачи диссертации, охарактеризована ее источниковая база, методология, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, изложены основные положения, выносимые на защиту, приведены сведения об апробации результатов работы.

Первая глава **«Всенародные празднично-обрядовые традиции чувашей и удмуртов»** посвящается изучению всенародных праздников и обрядов в контексте общественных отношений.

В параграфе 1.1 **«Праздник пробуждения земли, солнца, света»** фиксируются общинные и общественные традиции в организации Масленицы (чув. *Џаварни*, удм – *Вой дыр*). Этот праздник состоял из двух недель: старшей и младшей. В старшую неделю проводили сакральную часть обрядов, где значимую роль играли старики (хозяин дома, молельщик). В младшую неделю организовывали массовое катание на санях, игры, что демонстрировало единение сельского социума. Субъектами второй части праздника являлись самые различные половозрастные группы крестьянской общины. В первую очередь, это – дети, незамужние девушки и неженатые парни. Важным компонентом Масленицы было приглашение как родных из своей деревни, так и гостей из других селений. Гостевание в Масленицу помогало налаживать связи между соседними деревнями, поскольку во время таких встреч велось активное общение крестьян разных возрастов. Важно заметить, что за акциональным и вербальным элементами праздника, а также народными играми (драматическими, шуточными) отчетливо выступал их организатор (сельская община и сельское население). Через подобные игры дети усваивали определенные знания, а также учились взаимодействовать с различными субъектами – участниками обрядовой деятельности, что способствовало их социальной и культурной адаптации. Сегодня чувашский и удмуртский варианты рассмотренного праздника влились в общероссийскую Масленицу и стали светскими церемониями общенародного масштаба.

В параграфе 1.2 **«Всенародный праздник в честь сева»** речь идет о сохранности общинных устоев в проведении всенародного праздника в честь сева. Традиционно общинник был крепко связан с землей. Считалось, что он и земля – это одно целое. Как правило, труд на земле составлял для крестьянина главное содержание его жизни. Из аграрных молений весеннего цикла наиболее ярким и значительным был праздник сохи и плуга, это – *Акатуй* у чувашей, *Акашка* /*Акаяшка* «праздник первой борозды» у южных удмуртов, *Геры поттон*/Гырон

поттон «вынос плуга», «начало пахоты, сева» у северных удмуртов. Сельские общины специально собирали сходы и решали вопросы о сроках и месте проведения данного праздника. За день до предстоящего праздника старики извещали близлежащие деревни. Сначала проводили сакральную часть (полевое моление), а после этого большую роль отводили различным спортивным состязаниям. Главная роль принадлежала предводителю обряда, который решал религиозные, морально-этические вопросы и представлял таким образом своеобразную цензуру нравов. Мужчины налаживали сельскохозяйственный инвентарь, готовились к ритуальной части, а женщины занимались подготовкой жертвенных продуктов. Роль детей в проведении описываемого праздника зависела от возраста. Дети 6–10 лет в основном наблюдали за обрядовыми действиями взрослых членов общины. А ребята от 11 до 14 лет активно вовлекались в разные спортивные состязания, а также выступали в роли «глашатаев» участников праздника. В настоящее время *Акатуй* и *Акайшка* – праздники трудового народа. Они поддерживаются на государственном уровне. Наряду с татарско-башкирским *Сабантуем* они крепко пустили корни и стали обновленными традициями.

В параграфе 1.3 «*Хоровод*» выявляется социальное значение хоровода. Жизнь молодежи в традиционном обществе протекала в кругу семьи и общины. Каждая чувашская и удмуртская семья имела широкие родственные связи не только в своем, но и в соседних селениях. Достигая определенного возраста, обычно с 16–17 лет, девушки и парни с согласия общины/сельского сообщества устраивали молодежные праздники – хороводы *Выйй* (чув.) и *Бергаз* (удм.), где выбирали себе подходящую пару. Хороводные гуляния проводились обычно на лугу, поляне или деревенской улице. В первом и во втором случаях место проведения хоровода устанавливалось стариками. В большинстве случаев это были сакрально чистые места – священные рощи. На выбранном месте проводили моление, где старшее поколение просило духов защитить их от болезней, неприятностей. Парни, пришедшие на хоровод, заранее присматривали себе будущую жену, использовали его для близкого с ней знакомства. При возвращении с этого места молодежь пела хороводные песни. Старшее поколение наблюдало за поведением молодых. В процессе подобного времяпровождения молодежь усваивала практику общения и правила поведения в коллективе. При этом она чувствовала контроль деревни (= стариков, родителей, родни). Сегодня хороводы переместились с лугов в театры (на сцену). Их романтический характер и протяжная мелодия составляют золотой фонд национального достояния чувашского и удмуртского этносов.

В параграфе 1.4 «*Полевое моление*» анализируются основные функции сельских общин в проведении полевых молений *Учук* (чув.) и *Гершыд* (удм.). В основе полевого моления – благодарение за выращенный урожай и просьба о лучшем

урожае в будущем году, благополучной зимовке скота и дальнейшем приплоде, пожелание всей общине здоровья и достатка. Сельские общины решали вопросы назначения руководителей и организаторов обряда, определения места и времени проведения моления, количества и вида жертвенных животных. Положение модельщиков (чув. *кёл кёллекен* и удм. *вёсясь*) было привилегированным: они освобождались от общественных повинностей, пользовались правом первоочередной общественной помощи в сельскохозяйственных работах, над ними запрещено было производить самосуды. Контролируя поведение людей в определенных повторяющихся ситуациях, община осуществляла функцию социального регулятора, передавала многовековой опыт поколений. Затраты на проведение полевых молений были достаточно большими. Однако предводители обряда и участники моления верили, что умилоствление верховных божеств *Турй* (чув.) и *Инмара* (удм.) позволит им поддерживать и приумножать благосостояние семей, родов и общины в целом. В наше время обсуждаемый праздник можно зафиксировать в деревнях, в которых проживают чуваша и удмурты, соблюдающие дедовские традиции.

Однако постепенный распад установленных общинных отношений привел к угасанию многих обрядовых традиций, но некоторые элементы традиционной обрядности сохранились и в 30–50-х гг. XX в., когда отдельные общинные функции реализовывали другие формы сельских сообществ, такие как колхозы или колхозные бригады. В наши дни они получают поддержку в самых разных формах. Часто об их подготовке и проведении сообщают СМИ, их фиксируют и они становятся объектом академических исследований.

Вторая глава «**Межсельские празднично-обрядовые традиции чувашей и удмуртов**» посвящена изучению межсельских праздников и обрядов, игравших важную роль в унификации стандартов поведения и правил коммуникаций, а также в проявлении взаимозависимости сельских общин и связи между родственными деревнями.

В параграфе 2.1 «*Межсельские посиделки*» акцентируется внимание на межсельских посиделках *ларма* (чув.) и *пукись куно* (удм.), являвшихся одними из традиционных видов общения молодежи. *Ларма* и *пукись куно* проводили в основном в зимнее время в любой деревне, за исключением своей. Основным действующим лицом в обряде была девушка, прибывшая в гости в другую деревню. Цель приглашения – подготовка приданого и знакомство с парнями из другой деревни. За период пребывания в деревне девушка должна была успеть приготовить приданое, поскольку в доме у родителей она занималась повседневными делами и, как правило, не имела свободного времени для рукоделия. Ключевая идея межсельских посиделок заключалась в демонстрации совершеннолетия девушек, а также в формировании будущих брачных пар и в подго-

товке подарков к свадьбе. На подобных посиделках молодым людям внушалась мысль о роли труда в жизни человека, подчеркивалась важность прививания парням и девушкам нравственных качеств, уважения к старшим, дружбы и товарищества. Праздничные формы общения и нормы поведения во время межсельских посиделок являлись составной частью соционормативной культуры, обеспечивая таким образом преемственность в передаче традиций и народной культуры.

В параграфе 2.2 «*Девичье пиво*» исследуется традиционный праздник повзрослевших девушек. У чувашей и удмуртов он проводился обычно осенью после завершения земледельческих работ. Праздник напрямую поддерживался общественным мнением, осознаваемым каждым молодым человеком, общиной и сельским сообществом в целом. Здесь главным образом проявлялась не менее важная функция обряда – умение общаться с людьми всех возрастов, поскольку состав участников был разным. Подобный тип общения являлся фундаментом нравственного и духовного воспитания молодого поколения. *Хёр сәри* (чув.) и *ныл брага* (удм.) указывали на подготовку к переходу из одного возрастного и социального статуса в другой. Подготовка к празднику включала назначение дня и места проведения, сбор продуктов для приготовления обрядовых напитков в домах, где были девушки на выданье, оповещение молодежи соседних деревень (устное известие) о сроках проведения обряда, количестве присутствующих, а также об одежде, которая должна быть у всех одинаковой. Данные типы общений обогащали их участников, поскольку каждый присутствующий видел и оценивал способности молодых (у кого чему можно поучиться). Следование общинным традициям и утвердившимся правилам, несомненно, регулировало и направляло стереотип поведения молодого поколения в установившемся в обществе русле.

В параграфе 2.3 «*Обряд кражи земли*» анализируются взаимоотношения общин разных местностей. Были известны случаи кражи земли, снопов с полосы у более удачливых в этом отношении соседних деревень. Когда поле давало плохой урожай, как чувашами, так и удмуртами проводился специальный обряд – имитация свадебного ритуала, где земля выступала в качестве невесты, а женихом был крестьянин. Собравшись вместе, старики поднимали вопрос о ежегодных неурожаях и искали причины этого. Кто-либо из знахарей намекал им на необходимость проведения обряда кражи земли, чтобы вернуть урожайность полям, т. к. полагали, что урожайность их земли украли жители соседней деревни. Для общины было крайне важно иметь благополучный урожай, ибо от этого зависела вся будущая жизнь деревенского социума. Именно поэтому шли на символическую кражу земли чужой деревни, которую они считали более плодородной. Выполнение коллективных действий социальными группами означало осознание единства и целостности членов общины.

Таким образом, исследуемые межсельские обряды и праздники, как видим, создавали коммуникативную связь в сельском социуме. Отношения между членами разных половозрастных групп определялись особыми нормами: установленные формы поведения, обращения друг к другу, знаки уважения, почтения и внимания оказывались в соответствии с фактическим старшинством и родством.

В третьей главе «**Общесельские празднично-обрядовые традиции чувашей и удмуртов**» исследуются общесельские праздники и обряды в контексте общинных и общественных отношений. Общение молодёжи со взрослыми, соблюдение определенных требований народной цензуры и нравов в проведении общесельских праздников и обрядов являлось непосредственным каналом, через который шел интенсивный процесс межпоколенной передачи народных традиций.

В параграфе 3.1 «**Обряд инициирования дождя**» проводится анализ роли членов общины в проведении обряда вызывания дождя. В засушливое лето деревня под руководством сельской общины устраивала обряд вызывания дождя. Инициаторами вызывания дождя были старики с отдельной улицы, затем обряд переходил уже на следующий уровень – общесельский, где его участниками становились жители всей деревни. Ведущая роль в обряде принадлежала женщинам. Особым почетом и уважением пользовалась старшая из них. Она воспринималась как гарант успешных дел. Но предводителями обряда могли быть и мужчины, однако, как правило, на моление они не ходили. Основную массу участников этого обряда составляли дети, которым поручалось сообщать о решении схода. Определение ролей в нем зависело от предводителя. Обряд вызывания дождя состоял из двух частей: собственно моления и ритуального обливания во время обхода деревни. Данный обряд у чувашей и удмуртов иницировался общиной, а в постобщинное время – сельской общественностью. Он был связан, как правило, с символами воды, птиц, растительности, поскольку в них отразилась неразрывная связь женского и природного начал. Судя по полевым исследованиям, данный обряд совершается и в нынешнее время, как удмуртами, так и чувашами.

В параграфе 3.2 «**Праздник покоя земли**» изучается участие общины в проведении праздника земли *шинсе* (чув.), *музьем вордйськон* (удм.). Обряд связан с запретами по отношению к земле и требовал соблюдения общинниками особых правил. Деревенские жители думали, что от их достойного поведения, заключающегося в уважительном отношении к земле, зависела ответная реакция землекормилицы. Запреты – отличительный признак данного праздника, они во многом совпадали у исследуемых народов. К примеру, запрещалось надевать пестрые и красные рубашки, топить печи, вносить в избу огонь, варить в лачугах (хлеб выпекали заблаговременно), залезать на крыши, стирать грязное белье, топить баню и мыться. Старики, являвшиеся главными авторитетами в религиозно-обрядовой

жизни, следили за правильным поведением сельчан. Однако правда и в том, что запреты – это признак угасания традиций, когда населению приходилось напоминать заведенные старинные правила. Обряд рождения земли уже не соблюдается в традиционном виде. Однако и сегодня представители старшего поколения стараются жить по правилам, напоминая при этом своим членам семьи почитать Матушку-Землю (чув. *Сёр анне*), обычаи предков, уважать общепринятые традиции.

В параграфе 3.3 «**Обряд изгнания духов**» дан анализ организационных ролей участников в проведении обряда изгнания духов. Этот обряд входит в цикл очистительных обрядов – изгнание/выпроваживание злых духов, болезней и духов предков *сурен шуккыны* (удм.), *сёрен/вирём* (чув.). Для решения вопросов проведения обряда община собиралась в доме, в бане на окраине или в священной роще. Выбирали лиц для осуществления руководства и проведения общесельского обряда: главу обряда, молельщика, сборщика податей, казака (для слежения за порядком), музыканта и других лиц. Удмурты приглашали *туно* – главного хранителя веры. Особенностью этого обряда было изготовление свежих рябиновых, шиповниковых, черемуховых, ивовых и вербных прутьев. Чуваши и удмурты изгоняли злых духов также верхом на лошадях. Двигаясь по улице, обходчики старались издавать как можно больше звуков и возгласов. Для этого использовали все имеющиеся средства: трещотки, волынки, балалайки, гусли, прутья, косы и т. д. Исследуемый обряд со временем приобрел развлекательный характер. Сегодня в деревнях и селах его проводят в форме спектаклей в рамках фестивалей фольклорного творчества. Уже к середине XX в. исчезли ритуальные действия, связанные с гаданием и использованием веток, а также стали более ярко проявляться принципы религиозного синкретизма.

В параграфе 3.4 «**Обряд выгона скота**» исследуются общинные традиции в обряде выгона скота. Первый выгон скота был важным событием в общественной жизни как всей деревни в целом, так и отдельной семьи. Община поручала первым выгонять скот человеку спокойному, тихому, незлому или же беременной женщине, поскольку её присутствие означало олицетворение плодородия. Согласно нормам обычного права и в распределении работ в семье женщина обладала продуцирующей силой, охранительными, целительными свойствами. В силу этих традиций у сельских жителей сложилось представление о благополучном и спокойном выпасе скота. Большая ответственность за сохранность скота и его продуктивность возлагалась, естественно, на пастуха. Пастухами, как правило, были уважаемые и опытные люди, имевшие в обществе высокий социальный статус. От пастухов требовалось не только хорошее знание места, времени пастьбы, правил ухода за скотом, но и обладание особыми способностями, удачливостью, так как он, по мнению сельчан, мог спасти скот от падежа, уберечь от нечистой

силы. Таким образом, проведение обряда находилось под строгим контролем общины и сельского сообщества. Главной целью обряда была продуцирующая магия. Он сопровождался обычаями действенного магического или символического значения: выгоняемых животных заставляли прыгать через огонь, хлестали прутьями, гнали через ремень (или пояс), скот кормили обрядовой пищей и т. д.

В параграфе 3.5 «**Трудовая взаимопомощь**» подчеркивается высокая устойчивость трудовой взаимопомощи в сохранении общинных отношений. Трудовая взаимопомощь основывалась на возможности общинников в короткие сроки выполнить необходимые срочные сельскохозяйственные и иные трудоемкие работы. Обряд трудовой взаимопомощи (помочь: *нине/мине* (чув.) и *веме* (удм.)) способствовал внутриобщинному взаимодействию, играл заметную роль в формировании общественного мнения. Помочи разделяются на смешанные, мужские и женские. Обряд трудовой взаимопомощи охватывал также духовную сферу. Это достаточно хорошо проявилось у удмуртов. Для строительства новой *куалы* изготавливали новый *воршудный* короб. Его делали в старой *куале* старики – ближайшие родственники из одного *воршуда* по подобию старого. Организацию данной коллективной работы, в некоторой степени, можно назвать культово-символическим видом взаимопомощи. Общественное мнение на помочах выделяло лиц наиболее успешно овладевших теми или иными приемами трудовой сноровки, осуждало и высмеивало неловкость, небрежность или неприемлемые новшества.

В процессе взаимопомощи вырабатывали, закрепляли и передавали приобретенные навыки и знания. Общинные традиции выражались в чувстве коллективизма и взаимной помощи. Сегодня помочь считается одной из самых добрых традиций, наследуемых из прошлого. По этому принципу все еще строятся дома, устраиваются всереспубликанские, общесельские и общегородские субботники, оказывается помощь престарелым и одиноким. Таким образом, община посредством установленных общесельских празднично-обрядовых традиций, норм поведения и этических взглядов выполняла цементирующую роль в жизни сельчанина. Хранители обрядовой деятельности выполняли как культурно-идеологические, так и хозяйственно-производственные функции общины.

Четвертая глава «**Семейно-родовые праздники и обряды чувашей и удмуртов**» посвящена изучению семейно-родовых праздников и обрядов в общинной и постобщинной жизни.

В параграфе 4.1 «**Весенний родовой праздник: Великий день**» рассматривается роль общины в проведении этого весеннего родового праздника *мункун* (чув.) и *быдзьым нунал* (удм.). В день праздника родственники собирались в коренном доме по отцовской линии – в доме отца или деда (*атте, асатте* (чув.), *атай, пересь атай* – (удм.)), т. е. общего кровного предка. Приглашением на Великий день

занимался сам глава дома *хуса* (чув.), *кузё* (удм.), у которого устраивалось празднество. Как правило, созывался узкий круг кровных родственников: братья со своими жёнами и незамужние сёстры. Праздник был связан с целым рядом специальных обрядов: почитание умерших, изгнание злых духов. Важным действием, подчеркивавшим общинную взаимосвязь, считался обход домов, называемый у чувашей – *ёрет*, у удмуртов – *курон*, что в обоих случаях означало «род». Великий день спланивал кровно-родственные узы. Традиции проведения праздника сохранились лишь среди пожилых людей. Они по-прежнему собираются в этот день в коренном доме. Обсуждают семейно-родовые связи, вспоминают своих родителей. Однако и молодое поколение интересуется данным родовым праздником и старается выразить уважительное отношение к нему.

В параграфе 4.2 «*Летний родовой праздник: Семик – Троица*» анализируются общинные связи в проведении летнего родового праздника. *Симёк* (чув.) и *семик/семык* (удм.) – летние родовые праздники по символическому кормлению духов предков. Слова *семик* и *семык* происходят от числа «семь», т. е. седьмой четверг от Великого дня. С принятием православия чувашами и удмуртами календарь сдвинулся на три дня – с четверга на воскресенье. Сам праздник стал называться Троицей, а непосредственным днём поминовения стало воскресенье. И сегодня некоторые чуваша отмечают этот день по старинному календарю. Праздник являлся значительным событием в жизни чуваша и удмурта, он был ориентиром для других событий. Он имел много аналогий с Великим днём: обход домов, посещение кладбища. Однако в последнее время этот летний родовой праздник в основном ограничивается посещением могил предков, оставаясь одним из самых больших общественных праздников в чувашских и удмуртских деревнях. Чаще всего род собирался на могиле общего предка, а на остальные просто относили часть отделенной пищи, ставили специальную чашку для отделения части на долю умерших. Основной пищей в этот праздник были пиво и блины. Яиц варили столько, сколько в роду умерло детей. Родственники, вешали полотенце на могильный столб. Также практиковалось на кладбище носить ветку лиственного дерева, которая втыкалась на могилу позднее всех умершего родственника. В старину *симёк* и *семык* рассматривался как отдельный праздник, сохранивший архаичные элементы, собиравший большое количество родственников. Сегодня же в этот день, как правило, съезжаются родственники, живущие в городах и других деревнях.

В параграфе 4.3 «*Осенний родовой праздник*» изучается роль рода в проведении этого осеннего праздника. Как в вышеуказанных праздниках, так и в *кёр сәри* (чув.) и *сизьыл кистон* (удм.) четко прослеживаются родовые узы «дед – отец – братья (старший, младший)»: *асатте – атте – тичче, шәлләм* (чув.); *пересь*

айы – атай – агай, вын (удм.). Главная роль в таких поминках принадлежала самому старому мужчине в роду. Порядок их проведения был таким же, как и весенние поминки. Совершали обход домов в деревне по мужской линии, приносили кровавую жертву, перед печью ставили отделенные части пищи для покойников, которые потом выносили на улицу и отдавали собакам. Считалось, что души умерших предков приходили в дом именно в эти праздники, поэтому родственники старались хорошо их угостить, вспомнить поименно, отблагодарить за урожай, просили семейного благополучия. Данный праздник хорошо демонстрирует отношение между живыми и мертвыми одного рода. Умерший становился предком, патронирующим свой род. Поэтому чуваш и удмурты верили в необходимость сохранения добрых отношений с предками рода, старались заручиться их поддержкой и покровительством.

В параграфе 4.4 «**Праздник по случаю начала употребления нового урожая**» выявляется значимость участия семьи и рода в проведении праздника по случаю начала употребления нового урожая: «приношение благодарственной жертвы» – *чўклеме* (чув.), «новый урожай» – *виль* (удм.). Община была заинтересована в благополучном материальном состоянии своих сельчан и строго следила за тем, чтобы перед употреблением хлеба из нового урожая первинки посвящались божествам. Если род довольно прочно имел в достатке зерна, то не спешил провести обряд в честь нового урожая, а бедствующие родовые ячейки проводили его сразу же после завершения дел на овине. *Чўклеме* и *виль* совершались в кругу родственников по отцовской линии. *Аратне/ёрет* или *а́ру* (чув.) и *э́ин/выжы* (удм.) составляет круг семей, отделившихся в процессе количественного расширения от общего предка-деда. Однако в нем могли участвовать и родные по женской линии – *хурйнташ* (чув.). Также выделяют и других участников праздника – это *пёлёш* (чув.), т. е. близкие знакомые, вовлеченные впоследствии в родственные связи. Как правило, община дисциплинировала поведение крестьян, к примеру, до празднования *чўклеме* и *виль* в деревне были введены определенные запреты: не следовало давать в долг, а если случалось, то брали в заклад, а после обменивались вещами. Кроме того, в этот день в доме старались разговаривать спокойным тоном, вести себя уважительно и чинно друг с другом, не шуметь домашней утварью. За всем этим наблюдала община.

Семейно-родовой круг чувашей и удмуртов не позволял никому из «своих» уходить в просители к «чужим», т. е. род старался регулировать жизнеобеспечение каждой семьи. Праздник нового урожая, в силу важности Господина Хлеба, бытует и в настоящее время, но он сильно видоизменился и стал официальным праздником и в деревнях, и в городах. По этому случаю правительство награждает заслуженных работников сельского хозяйства.

В **заключении** диссертации обобщены результаты исследования, сформулированы его основные выводы:

1. Традиционные праздники и обряды оказывали значительное влияние на общину и сельскую общность, формируя общественное мнение, в основе которого лежали морально-этические нормы и стереотипы поведения людей. Они же служили способом передачи накопленного многими поколениями богатейшего опыта народа, широко использовались как средство упрочения единства этноса, его менталитета и национальной идентичности. С одной стороны, управление общиной носило административный характер и принадлежало зажиточному слою населения. С другой (управление сакральной стороной общины и сельского сообщества) – старшему поколению, блюстителям традиций, хранителям народных верований.

2. Как праздники и обряды, так и сельская община и общесельское сообщество имеют межсельский, общесельский и семейно-родовой уровни. При этом первые два можно назвать образованиями по территориально-соседскому признаку, а последний – образованием по домовому, т. е. объединяющим людей по кровно-родственному (выходцев из одного патриархального дома) признаку. Удалось установить, что традиционные праздники и обряды на всех уровнях (всенародном, межсельском, общесельском, семейно-родовом) отражают целостную картину социальной жизни сельского жителя по его важнейшим социально-культурным средам: семья – род – община (= сельское сообщество).

3. И в настоящее время деревенская общность чувашей и удмуртов смогла сохранить одну из своих главных первооснов – род, на котором и держалась межсельская, общесельская и семейно-родовая коммуна. У этих народов, как в прошлом, так и ныне, все еще имеют место кровно-родственные связи и поддерживающие их празднично-обрядовые традиции. Община способствовала кристаллизации народного языкового стиля обрядово-ритуальной практики, публичной речи. Она же выдвигала из своей среды лидера – хозяина дома (= рода), которому безоговорочно подчинялись все члены родовой ячейки.

Таким образом, в ходе сравнительно-исторического и историко-типологического анализа в диссертационной работе выявлены формы сохранения самобытности чувашского и удмуртского народов (бытование традиционных праздников и обрядов в жизни общины и социума, имеющие важнейшее социально-экономическое и этнокультурное значение. В настоящее время в связи с изменением общественно-политической ситуации в Российской Федерации происходит возрождение народной обрядности чувашей и удмуртов. В возобновлении традиций народы видят одно из условий сохранения этнической идентичности, памяти. А это позволяет им лучше ощущать связь времен и поколений, получать духовную поддержку и жизненную опору в столь сложном и быстро меняющемся мире.

**Основные положения диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях автора:**

*Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки России*

1. **Кондратьева Е. В.** Общинные традиции в трудовой взаимопомощи (чуваши и удмурты) / Е. В. Кондратьева // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 4. – С. 44–49 (0,5 п. л.).
2. **Кондратьева Е. В.** Роль общины в проведении очистительного обряда *сурен шуккыны/сёрен* (удмурты и чуваши) / Е. В. Кондратьева // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – № 4-1. – С. 134–138 (0,4 п. л.).
3. **Кондратьева Е. В.** Роль сельской общины в проведении праздников *Акатуй* и *Акаяшка* (чуваши и удмурты) / Е. В. Кондратьева // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – 2015. – № 4 (36). – С. 120–124 (0,5 п. л.).
4. **Кондратьева Е. В.** Общинные цели полевых молений (чуваши и удмурты) / Е. В. Кондратьева // Вестник Чувашского государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 110–115 (0,5 п. л.).
5. **Кондратьева Е. В.** Семейно-родовые праздники и обряды чувашей и удмуртов / Е. В. Кондратьева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – Т. 15 – 2016. – Вып. 5. – С. 235–241 (0,6 п. л.).
6. **Кондратьева Е. В.** Общинные традиции в молодежных праздниках и обрядах чувашей и удмуртов / Е. В. Кондратьева // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2019. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 43–52 (0,8 п. л.).

Статьи, опубликованные в прочих научных изданиях

7. **Кондратьева Е. В.** Роль сельской общины в проведении полевого моления (чуваши и удмурты) / Е. В. Кондратьева // Радловский сборник. – СПб., 2014. – С. 211–220 (0,5 п. л.).
8. **Кондратьева Е. В.** Оценка этнической нетерпимости в г. Чебоксары: взгляд интервьюера / Е. В. Кондратьева, В. В. Никифорова // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). – М., 2014. – С. 178–185 (0,6 п. л.).
9. **Кондратьева Е. В.** Роль сельской общины в проведении обряда вызывания дождя (чуваши и удмурты) / Е. В. Кондратьева // Радловский сборник. – СПб., 2016. – С. 38–44 (0,5 п. л.).
10. **Кондратьева Е. В.** Общинные традиции в молодежных праздниках и обрядах чувашей и удмуртов / Е. В. Кондратьева // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. – Москва; Казань, 2019. – С. 63 (0,1 п. л.).

*Всего по теме диссертации опубликованы 10 статей
общим объемом 5,0 п. л.*